УДК 821.111. (73).0
5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

И.В. Львова
Петрозаводский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА РАССКАЗОВ Т. ТОЛСТОЙ «СОНЯ» И Э. МАНРО «НЕНАВИСТЬ, ДРУЖБА, УХАЖИВАНИЕ, ЛЮБОВЬ, СВАДЬБА»

В статье исследуется проблема трансформации и функционирования сюжета в разном культурном контексте, определяемого разными художественными стратегиями на примере рассказов Т. Толстой и Э. Манро. Анализируется типологические сходства в элементах сюжета, основных мотивах рассказов, персонажах. Показываются отличия в разрешении конфликта и используемых художественных средствах, характер адаптации к художественным традициям и реалиям родной страны и культуры.

Сюжет, типологические схождения, культурный и исторический контекст, Т. Толстая, Э. Манро.

Изучение типологических схождений на разных содержательных уровнях, таких как автор, сюжет, персонаж в литературах разных стран, – наиболее традиционное и хорошо разработанное направление компаративистики, однако исследования особенностей использования одного сюжета в современной литературе на синхроническом уровне довольно редки. Цель данной статьи – показать, как функционирует и какие изменения претерпевает сюжет в разном культурном контексте, определяемый разными художественными стратегиями.

Предметом рассмотрения является сюжет рассказов двух значительных писательниц второй половины двадцатого и двадцать первого века Т. Толстой и Э. Манро. Жанр короткого рассказа – ведущий в их творчестве. Анализируемые произведения занимают важное место в наследии писательниц. Рассказ Толстой «Соня» (1984) – один из лучших, написанных в ранний период творчества писательницы, рассказ Манро «Ненависть, дружба, ухаживание, любовь, свадьба» (2001) вошел в сборник с одноименным названием, получил ряд литературных премий[1], был экранизирован.

Основу сюжета обоих рассказов составляет история розыгрыша, жертвой которого становятся главные героини рассказов Соня и Иоганна. Ситуация розыгрыша, которая вводит мотив игры, случайности, дает широкие возможности для использования в произведениях различных жанров – комедии положений, авантюрного романа, фарса и т.д. Не случайно, сравнивая рассказ Манро с рассказами Е. Уэлти и Ф. О'Коннор, критики писали о потенциально гротескной ситуации розыгрыша, используемой в произведениях, которую, исходя из своих принципов изображения действительности, эти писательницы развили бы, доведя ее до абсурда, но Манро принимает другое художественное решение. У. Притчард отмечает: «Манро не поддается соблазну социальной сатиры, чтобы унизить или сделать несчастным своего и так несчастливого героя: история Иоганны – это не история наказанной гордыни» [8].

И Манро, и Толстая, разрабатывают сюжет, не используя, а преодолевая гротескность и фарсовость ситуации розыгрыша.

Героини рассказов имеют значительное сходство. Это незамужние некрасивые, сорокалетние (приблизительно) женщины. Некрасивость героинь подчеркивается обеими писательницами, а у Толстой даже преувеличивается, в рассказе не раз акцентируются «Сонины лошадиные черты. А как она сама одевалась? Безобразно, друзья мои, безобразно! Что-то синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее! Ну вообразите себе: голова как у лошади Пржевальского (подметил Лев Адольфович), под челюстью огромный висячий бант блузки торчит из твердых створок костюма, и рукава всегда слишком длинные. Грудь впалая, ноги такие толстые – будто от другого человеческого комплекта, и косолапые ступни. Обувь набок снашивала» [2, с. 85].

Если Соню представляет анонимный рассказчик, то внешность героини Манро увидена глазами другого героя – клерка железнодорожной станции: «Не королева красоты», – отмечает он [7, p. 4][2], подтверждая вывод деталями: рыжая, зубы выпячены под верхней губой, одета старомодно и странно: длинное серое пальто теплым сентябрьским днем, неуклюжие ботинки с высокой шнуровкой и носки по щиколотку. Клерк замечает непривычный акцент героини и манеру говорить громко, будто она ведет разговор с глухими [7, p. 3–4]. Некрасивость отличает обеих от окружающих и изолирует. Странность – одна из доминирующих черт в описании героинь. Так, в рассказе Толстой гиперболизируется простоватость героини, которая выглядит глупостью: «Ясно одно – Соня была дура», «кристалл Сониной глупости засверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости» [2, с. 84].

[1] Национальная премия критиков, список Нью Йорк Таймс 100 лучших книг 21 века.

[2] Здесь и далее перевод мой.

Манро также открывает рассказ описанием необычности поведения героини: манеры общаться, ее необъяснимое решение переправить мебель в неизвестное место, покупка дорогого костюма, непривычно и название места, куда собирается героиня – Гдыня.

Таким образом, писательницы выводят героинь из обыденности, «нормальности», чтобы ввести в ситуацию розыгрыша.

Обе героини одиноки и у обеих невысокий социальный статус. Героиня Толстой работает в музее, но об этой стороне ее жизни ничего не говорится, зато подробно рассказывается о ее кулинарных талантах, умении присматривать за детьми: «выяснились и Сонина незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства, и ее готовность погулять с чужими детьми и даже посторожить их сон, если все шумной компанией отправляются на какое-нибудь неотложное увеселение» [2, с. 84]. Героиня Манро также описывается как прекрасная домохозяйка и кулинар, она тоже присматривает за девочкой Сабитой, оставшейся без матери. Ее статус ограничен положением прислуги. Известно, что до семьи Сабиты она ухаживала за пожилой женщиной.

После экспозиции, где представлены обе героини, начинается повествование об истории розыгрыша. Сама идея розыгрыша принадлежит близким членам семьи, о которой героини заботятся. В рассказе Толстой – это Ада и ее брат Лев, у Манро – Сабита и ее подружка Эдит. Суть розыгрыша одна и та же: героини получают письма от якобы влюбленного в них мужчины, обе верят в эту любовь, что заставляет их изменить свою жизнь. Предметом любви становятся полностью выдуманные (Толстая) или реальные (Манро) персонажи – отец Сабиты и мужчина по имени Николай, живущий по адресу отца Ады.

Финал у этих историй различный: героиня Манро обретает личное счастье, выходит замуж за отца Сабиты, в семье появляется ребенок. В рассказе Толстой героиня жертвует собой, спасая возлюбленного в блокаду (тем самым спасая Аду).

Решение конфликта определяется разными авторскими стратегиями и разным культурным контекстом.

Одна из задач обеих писательниц – сделать изначально гротескную историю правдоподобной, вывести из комического контекста.

У Толстой эту задачу выполняет фигура ненадежного нарратора, который избирателен в презентации событий. Ненадежность его воспоминаний и самой истории подчеркивается в рассказе неоднократно. «Какой-то там случай был с ней во время блокады. Кстати, связанный с Соней. Нет, я плохо помню. Какой-то стакан, какие-то письма, какая-то шутка. Время все съело. Добавим к этому, что читать в чужой душе трудно: темно, и дано не всякому. Смутные домыслы, попытки догадок – не больше» (Там же, с. 91). Описанная ситуация показывается как не совсем реальная, оживающая в воображении рассказывающего: «смеющаяся компания порхнула прочь и, поправ тугие законы пространства и времени, щебечет себе вновь в каком-то недоступном закоулке мира, вовеки нетленная, нарядно бессмертная, и, может быть, покажется вновь на одном из поворотов пути – в самый неподходящий момент и, конечно, без предупреждения» [2, с. 83–84].

Манера повествования может называться gossipy, некая сплетня, слух, анекдот, предаваемый из уст в уста.

Сам повествователь, признаваясь в ненадежности воспоминаний, тем не менее пытается привести логические доказательства правдивости истории, прежде всего основываясь на описании характера главной героини Сони, простодушной и наивной, способной поверить и влюбиться в вымысел. «Романтическое существо. Соня была дура». Еще одним доказательством являются сами условия игры (Николай – женатый человек с тремя детьми не может позволить встречу). Для подтверждения правдоподобия происшедшего повествователь прибегает и к материальному свидетельству – брошке Сони в виде голубка, оставшаяся у Ады или (момент иллюзорности) которая должна была у нее остаться, как сообщает повествователь.

Но главное доказательство в рассказе – эстетическое, это текст, изменивший и пишущего, и адресата, и саму реальность: «Ада была на высоте: трепетала Николаевой нежностью и разверзала глубины его одинокого мятущегося духа, настаивала на необходимости сохранять платоническую чистоту отношений и в то же время подпускала намек на разрушительную страсть, время для проявления коей еще почему-то не приспело» (Там же, с. 89).

Самих текстов писем в рассказе нет, свидетельство их существования также ненадежно, читателю остается верить, что их содержание было убедительно для героини настолько, чтобы она влюбилась в вымышленного персонажа и ответила на чувства. Соня влюбляется не в Николая, а в автора писем, т.е. Аду.

Письма изменяют жизнь Сони, сделав ее впервые счастливой: «Было ли у нее счастье? О да! Это – да! уж что-что, а счастье у нее было. И вот надо же – жизнь устраивает такие штуки! – счастьем этим она была обязана всецело этой змее Аде Адольфовне» (Там же, с. 87).

Розыгрыш, а точнее, необходимость создания текстов изменила и Аду: «Она уже сама стала немного Николаем, и порой в зеркале при вечернем освещении ей мерещились усы на ее смугло-розовом личике» (Там же, с. 90).

Сама ситуация осмысливается повествователем как гротескная: «И две женщины на двух концах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало» (Там же).

История спасения Ады – результат игры с реальностью, возможность текста перекраивать, придавать смысл, творить и убивать. Это влияние постмодернистского видения реальности, о чем писали исследователи творчества Т. Толстой. «Разумеется, перед нами яркий образец именно постмодернистской культуры, ничего общего не имеющей с традиционным морализаторским монологизмом. Создавая, в рамках игры с читателем, иллюзию нравоописательного контраста» [1, с. 10]. Нужно отметить, что текст, созданный Адой, конкурирует с текстом самого повествователя, также играющего с читателем.

Проблема достоверности решается Манро в другом ключе: она строит рассказ как цепь реалистических описаний из жизни героини (прибытие на вокзал, покупка костюма и т.д.), которые помогают вписать события в исторический и бытовой контекст (послевоенная Канада, небольшой город) и постепенно раскрыть цель действий персонажа. Региональный компонент является одной из важных особенностей художественного мира Манро, неоднократно отмечавшийся критиками, не случайно ее творчество сравнивают с творчеством представителей региональной школы американской литературы: Фолкнером, Ф. О'Коннор и др. [3, p. 35; 5, p. 168].

Другой особенностью прозы Манро является нелинейность повествования, которое создает не только напряжение, но и вводит мотив неопределенности, тайны [4, p. 13; 6, p. 100–115]. Оба приема использованы в рассказе.

Для создания достоверности Манро прибегает не только к реалистическим описаниям, но и приводит тексты писем героев, всего их восемь: это письма отца Сабиты, Иоганны и письма-розыгрыши девочек-подростков. Вторая часть рассказа представляет собой флэшбэк, в ней объяснятся, почему героиня навсегда покидает город, предварительно купив нарядный дорогой костюм и заказав перевозку мебели – это собственно история розыгрыша.

Тексты писем в рассказе также помогают создать правдоподобность ситуации: они двигают сюжет не к неожиданной и гротескной развязке, которую содержит потенциально история розыгрыша, а обоснованному хэппи энду.

Реалистическая деталь определяет особенности авторского стиля и создает атмосферу достоверности. В письмах автор сохраняет стиль подростка, использующего словарь из прочитанных книг о любви. Комизм этих писем построен на несоответствии представлений пишущего, как должны объясняться в любви взрослые, и реальности. Героиня Манро Эдит, как и Ада, также использует литературные штампы, звучащие комически. Манро показывает, как новый жизненный опыт девочек (поездка Сабиты к кузинам) меняет характер и интонацию их писем, таким образом, тексты писем становятся и способом самораскрытия самих героев.

Как и в рассказе Толстой, где письма пропадают, и повествователь додумывает их возможное содержание, героиня Манро также их уничтожает, не оставляя никаких доказательств их существования. И в том, и в другом рассказе история утрачивает правдивость документа и существует как анекдот, предание, фантазия.

Как и Толстая, Манро приводит материальное свидетельство происшедшей истории: появление на свет сына Иоганны и Кена (отца Сабиты) Омара, о чем извещает местная газета. Эдит, автор писем, чувствует ответственность за его появление на свет, так же, как и Ада – за измененную по ее прихоти судьбу Сони.

Постмодернистская мысль о влиянии текста, вымысла на реальность прочитывается в обоих рассказах.

Однако сходные сюжеты, вписанные в разный культурный контекст, имеют разные установки и отвечают разным читательским ожиданиям.

Рассказ Толстой – продолжение традиции русской литературы повествования о простаке, а также праведнике, жертвующем собой ради любви. Само имя Соня вписывает героиню в ряд жертвенных героинь, а имя антагониста имеет явно негативную окраску Ада Адольфовна (возможно, содержится и аллюзия на роман В. Набокова «Ада»): «Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина острая, худая, по-змеиному элегантная, тоже попавшая однажды в неловкое положение из-за Сониного идиотизма, мечтала ее наказать» [2, с. 85].

Таким образом, в рассказе сразу создается антитеза: противопоставление внешней красоты и внутренней, наивности и развращенного ума, духовности и внутренней пустоты – это противопоставление хорошо узнаваемо читателем. Гротескная ситуация, в которой оказываются героини, не изменяет их природу, а только проявляет ее. Персонажи в рассказе не развиваются. Соня остается наивной и добродетельной героиней на протяжении всей истории. Ада также не избывает свою порочную природу и за нее наказывается в конце рассказа. Однако ее образ оказывается сложнее, вопреки заявленной схеме, и эту сложность создает важная функция, которую играет в рассказе героиня, – функция сочинителя, автора.

Исторический контекст: довоенный Ленинград, интеллигентская среда, в которой живут герои, война, блокада – также является для читателей знакомым и знаковым. Блокада в национальном сознании – символ человеческих страданий, смерти, перед которой все равны.

Таким образом, перед нами русская история с типажами и ситуациями, узнаваемыми русским читателем.

Для Манро исторический и культурный контекст не менее важен, так как создает реалистическую модель действительности. Художественная деталь передает время и атмосферу канадской провинции пятидесятых годов. Примечательно, что Кен – участник войны, это значимая часть его биографии. В отличие от Толстой в рассказе Манро мотивация поступков героев составляет часть сюжета, поэтому характеры героев неоднозначны, это характеры меняющиеся, растущие. Счастливый финал происходит не только из-за удачных совпадений, но и особенностей личности героев: не приспособленного непрактичного Кена, сострадательной и прагматичной Иоганны. Счастливый финал имеет, таким образом, рациональное объяснение: герой болен, поэтому принимает помощь приехавшей незнакомой женщины, впоследствии он узнает, что в отличие о него у нее есть финансовая стабильность, и он считает брак разумным в данной ситуации. Иоганна изображается как сострадательная женщина, в этом она схожа с Соней, ею движет желание поддержать одинокого человека, и, приняв решение выйти за него замуж, она безоговорочно принимает возлюбленного. Однако в этой истории сохраняется элемент случайности, таинственности. В финале звучит тема судьбы, которая заявлена и в самом заголовке (это детская считалка, которая могла бы быть переведена как «любит-не-любит»). Эдит, подруга Сабиты, сочинявшая письма, выполняет домашнее задание – переводит строки Горация «К Левконое»:

«Не спрашивай, нам нельзя знать, что судьба приготовила мне или тебе» [7, p. 54], тем самым повествование переходит на другой уровень: от анекдота до размышлений о непостижимых путях, которыми движется жизнь.

Итак, в двух рассказах разрабатывается один сюжет: розыгрыша (переписка с вымышленным возлюбленным) и его последствий, используются сходные герои, мотивы, в центре проблема отношения с реальностью (мечта и действительность) и отношение человека с судьбой, но выбраны разные художественные решения в его разработке, среди которых адаптация к художественным традициям и реалиям родной страны и культуры.

Объединяет оба рассказа и то, что они вошли в историю современного рассказа литературы Канады и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беневоленская, Н. П. Рассказ Т. Толстой «Соня»: иллюзия нравоописательного контраста / Н. П. Беневоленская // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – № 3. – С. 5–11.

2. Толстая, Т. Соня / Т. Толстая // Женский день. – Москва : ЭКСМО, 2006. – 383 с.

3. Alshara, M. Analysing Style and Autobiographical Element in Alice Munro's "Dear Life" / M. Alshara, A. Panhwar, M. Hasan // European Scientific Journal. – Kocani, April 2017. – Vol.13, № 11. – P. 34–42.

4. Boyd, M. Alice Munro: An Appreciation / M. Boyd // Bridgewater Review. – 2014. – 33 (1). – P. 12–14.

5. Howells, A. Intimate Dislocations: Alice Munro, Hateship, Friendship, Courtship, Loveship, Marriage / A. Howells // Bloom, H. Alice Munro: Bloom's Modern Critical Views. – New York : Infobase Publishing, 2009. – P. 167–193.

6. Hoy, H. Dull, Simple, Amazing and Unfathomable: Paradox and Double Vision In Alice Munro's Fiction / H. Hoy // Studies in Canadian Literature. Fredericton: University of New Brunswick. – 1980. – Vol. 5, № 1. – P. 100–115.

7. Munro, A. Hateship, friendship, courtship, loveship, marriage / A. Munro. – New York : Vintage Books, 2001. – 324 p.

8. Pritchard, W. Road Map Not Included / W. Pritchard. – New York Times. – 2001. – Nov. 25. – URL: https://www.nytimes.com/2001/11/25/books/road-map-not-included.html (дата обращения: 12.01.2026). – Text : electronic.

I.V. Lvova

THE PLOT SPECIFICS OF THE STORIES "SONYA" BY T. TOLSTAYA AND "HATESHIP, FRIENDSHIP, COURTSHIP, LOVESHIP, MARRIAGE" BY A. MUNRO

The article deals with the problem of transformation and functioning of the plot in different cultural contexts, determined by different artistic strategies. The study is based on the two stories by significant writers of modern Russian and Canadian literature T. Tolstaya and E. Munro. The article is focused on typological similarities in the elements of the plot, the main motives of the stories, and the characters. The differences in conflict resolution and the artistic means used by the writers are shown. The writers choose different artistic solutions in plot development, including adaptation to the artistic traditions and realities of their native country and culture.

Plot, typological similarities, cultural and historical context, T. Tolstaya, A. Munro.